

Живое прошлое

ОКТЯБРЬ КАК ЭПОХА

И.К. Пантин
Институт философии РАН

Аннотация: Настоящая статья является продолжением серии работ автора, посвящённых Русской революции. Русская революция в этих работах легитимируется автором не через идею перехода к социализму (хотя действующие лица исторической драмы именно так её осознавали и обосновывали), а через концепцию ответа на вызовы Современности.

Ключевые слова: Октябрьский переворот, социалистическая революция, «Октябрь как эпоха», пролетарский якобинизм, пролетарская революция, варваризация власти.

В Октябрьском перевороте 1917 г., переросшем затем в Октябрьскую революцию, соединили две несовпадающие друг с другом исторические задачи. Одна из них, коренившаяся в прошлом России — уничтожение полуфеодального помещичьего землевладения, переход всей земли в руки крестьянства (аграрный вопрос), т. е. задача, которая решалась в Западной Европе в *буржуазных* революциях. Другая задача — скорейшее преодоление на некапиталистическом пути социально-экономической и культурной отсталости многонациональной многоукладной страны, где, по выражению Энгельса, были «представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой» [Маркс, Энгельс 1956, т. 19: 264]. Решение этих задач оказалось разведённым и во времени и по существу. Вот почему автор статьи вслед за М.Я. Гефтером считает необходимым различать две фазы в развитии революции: «Октябрь как событие» и «Октябрь как эпоха», весьма несхожие по своему социально-политическому содержанию, идеологии, психологическому облику, не говоря уже о существенно различном отношении масс к проводимым преобразованиям.

В данной статье мы анализируем послеоктябрьский период — «Октябрь как эпоху».

Пролетариат Петрограда и Москвы, сыгравший главную роль в перевороте, практически сразу провозгласил её *социалистической* революцией. Конечно, это была иллюзия. Но в определённом смысле она предвосхитила общее содержание и цели предстоящего социального переворота — необходимость коренного преобразования страны в духе современной цивилизации.

Конечно, открывавшаяся перед рабочим классом перспектива социального переустройства, идущая дальше буржуазных рамок, находилась в противоречии и с достигнутыми Россией уровнем экономического развития, и с малочисленностью самого рабочего класса, и с многоукладностью самого российского общества, наконец, с традициями крестьянства, составлявшего большинство населения страны. Крах политики «военного коммунизма» показал

невозможность установления социалистического строя сразу, при данных условиях и обстоятельствах, не говоря уже о достигнутой массой населения страны ступени развития.

Два исторических потока — пролетарский и крестьянский — разные по характеру, по потенциям на короткое время соединились в борьбе с общим врагом: дворянской и сросшейся с ней капиталистической Россией. Но только на короткое время. Пределом якобинской политики большевиков стала весна 1921 г. Охваченные яростным недовольством коммунистическими порядками крестьянские массы в ряде русских губерний восстали против большевиков. Лозунг «Советы без коммунистов!» стал знаменем этих выступлений (кронштадский мятеж, антоновское восстание крестьян). Замена продразвёрстки продналогом, а затем денежным налом позволила сразу же резко снизить сферу применения насильственных средств по отношению к трудящимся классам (недовольство выражали и рабочие). Нэп был не просто уступкой крестьянству как мелкому производителю. В более широком смысле он вводил революцию в её исторические рамки, что стало необходимостью, учитывая обстановку внутри страны и за её пределами.

На рубеже 20-х гг. нашего века общеевропейский политический кризис, вызванный первой мировой войной, вне которого нельзя понять революцию, миновал. Буржуазным режимам удалось нанести поражение пролетарскому авангарду в Европе. Становилось очевидным, что та историческая ситуация, которая поставила в порядок дня вопрос о социалистической альтернативе капитализму, исчезла, а вместе с ней и надежды большевиков на близкую пролетарскую революцию на Западе. Необходимо было признать неопровержимый факт: пролетарский переворот в России оказался не в состоянии вызвать к жизни цепную реакцию революционных перемен в капиталистическом мире. Первая пролетарская революция осталась наедине с собой, с проблемами отсталой России, не имевшими ничего общего с социализмом, окружённая со всех сторон капиталистическими государствами» [Лебедев 1981].

Быть может, именно поэтому после окончания гражданской войны, т. е. в начале 20-х гг., проблема исторического содержания Октября впервые встаёт перед страной и партией со всей неотвратимостью. Пока существовали надежды на европейскую революцию, альтернатива капитализму рисовалась в весьма общих, обнадёживающих тонах. Трудности и противоречия экономического развития России считалось возможным преодолеть относительно безболезненно на социалистическом пути при государственной помощи пролетариата ведущих индустриальных стран. В этом смысле «мировая революция» выступала для РКП(б) одновременно с гарантией против попыток задушить революцию в России, и средством придать ей общеевропейское социалистическое содержание. Поражение, которое потерпел революционный натиск европейского пролетариата, в корне меняло ситуацию в России. Отныне Октябрьскую революцию уже нельзя было рассматривать только в качестве радикальной антитезы буржуазному строю, его действительным и мнимым порокам. Конечно, от социалистической идеологии, включавшей такие меры, как упразднение частной собственности (в ней, согласно доктрине, усматривался главный, если не единственный источник социальных зол), ликвидация разрозненных производственных единиц, товарного производства, рынка, конкуренции и т. п. никто и не думал отказываться. Но и руководствоваться ею по-прежнему было нельзя. Нужно было выработать более реалистичный политический курс, который бы учитывал своеобразие российской действительности, данный этап исторической и экономической эволюции страны.

Вообще говоря, ситуация, подобная российской, была отчасти предсказана Энгельсом в «Крестьянской войне в Германии».

«Самым худшим из всего, что может представить вождь крайней партии, — писал Энгельс в 1848 г., — является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение ещё недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для прове-

дения мер, обеспечивающих это господство. ...Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его интересами. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно» [Маркс, Энгельс 1956: 422–423].

Нечто подобное случилось и с пролетарской (пролетарско-крестьянской) революцией в России. Победивший буржуазию рабочий класс овладел государственной властью в то время, когда условий для социалистических преобразований российского общества ещё не существовало.

Как писал Н. Суханов в своих «Записках о революции», большевики, взяв власть, не имели чёткой программы преобразований — у них было «несколько фантазий, которые все пошли насмарку при малейшем соприкосновении с действительностью» [Суханов 1991: 279]. Социализм, под лозунгами которого совершался политический переворот в октябре 1917, в условиях страны, разрушенной войной, оказался утопией. Но дело заключалось не только в войне и разрухе. Численность работников наёмного труда в России составляла 10–12 процентов от общей численности населения страны, а современный, крупнопромышленный пролетариат ещё меньше — около 2-х процентов. С точки зрения культурного развития он значительно отставал от своих западноевропейских собратьев, хотя в политическом смысле и опережал их. Но главное, России предстояло пройти длинный путь построения материальной базы (промышленность, сельское хозяйство, культура), которая позволила бы создать предпосылки для движения российского общества на индустриальной основе со всеми вытекающими отсюда противоречиями и возможностями (в том числе и эволюции к социалистическому обобществлению труда). Другими словами, тот путь, который прошла капиталистическая буржуазия в Западной Европе, чтобы создать современное индустриальное общество, в России предстояло пройти на пути некапиталистическом.

Октябрьская революция 1917 г. стала победой новой России над старой. Однако то, что сформировалось на развалинах прежних отношений, оказалось весьма далёким от социализма. Старая Россия не умерла, она продолжала существовать рядом с пролетарской властью. От прошлого Россия унаследовала целый массив проблем, по отношению к которым революция вынуждена была выступать не завершением, а *продолжением* развития. Иначе говоря, революция, разрушившая прежний буржуазный строй, в ряде существенных отношений призвана была по-своему, не буржуазными методами, продолжить, а в отдалённой перспективе и *завершить историческую работу российского капитализма*, остановленного, так сказать, на полдороге.

Никто из большевиков не хотел «отговариваться» от интересов пролетариата и отстаивать интересы другого класса — мелкобуржуазного крестьянства. К тому же крестьянство получило от революции то, к чему оно стремилось — землю. Но ситуация сложилась так, что сохранить гегемонию рабочего класса по отношению к крестьянству оказалось невозможным без уступок последнему. Более того, благодаря победе революции партии рабочего класса пришлось столкнуться с первейшим условием всякой гегемонии — необходимостью подчинения своих непосредственных требований общенародным, а стало быть, «чужим», крестьянским интересам. Пролетарской партии, располагая неограниченной властью, предстояло медленно, шаг за шагом продвигаться вперёд *вместе* с мелкобуржуазным народом, завоёвывая одну позицию за другой, для завоевания плацдарма для дальнейшего развития.

НЭП (если бы её идеи одержали бы победу в партии) означал альтернативу Октябрьского переворота. Он превращал пролетарскую революционность в реалистический, соответствующий конкретным условиям России путь построения современного цивилизованного общества, открывая возможность перехода к эффективному развитию экономики и общества в крестьянской стране. Вопрос стоял так: либо нэп — коренное *обновление* начал Октябрьской

революции, либо следование по пути пролетарского якобинизма. В первом случае, считал Ленин, открывалась перспектива общественного устройства, сообразно потребностям цивилизации XX в. Во втором — страна рисковала потерять все завоевания Октября и вновь повторить опыт «военного коммунизма».

Другими словами, России предстояло совершить переход к совершенно новому, неизвестному прежним социалистам пути общественного развития — к *существованию* разных экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского государства. Разнообразие культуры и форм хозяйствования становилось бы в этом случае фундаментальной формой и условием социального общежития народов России. Существование разных экономических укладов в условиях рынка, повышение агрикультуры в деревне благодаря разносторонней помощи государства, кооперирование крестьянства (разумеется, добровольное), цивилизаторская работа с азов, с заново открываемых азов, поиск единства основных классов общества, которое (единство) считалось бы со старыми и новыми различиями — вот составляющие нового стратегического курса, которые, пусть не сразу, открылись Ленину в начале 20-х гг. XX в. Как мы видим, социализм XX в. терял свою однозначность, связанную с условиями Западной Европы, появлялась новая версия, которая выражала свои конкретные условия, свои исторические задачи. Единство с прошлым социализма обеспечивалось не буквальной «верностью Марксу», а решением политических и социальных задач в духе социализма.

Отказ от самоувековечивания Октября в пользу «нэповской России» (мировой в этом качестве) и переход к социалистическому реформизму означали для Ленина нечто неизмеримо большее, чем просто очередной политический маневр. Оно означало обновление начал и путей развития социализма, созвучное, скорее, не XIX, а XX и XXI вв. О социализме, согласно Ленину, можно говорить только в меру «снятия» рабочим классом всего того, что было создано буржуазной цивилизацией, в меру *преодоления* капитализма в общественной, экономической и в особенности культурной областях жизни и никак иначе. Идея исторического компромисса, к которой Ленин пришёл к концу жизни, основывалась как раз на предпосылке *несводимости* разных укладов к одному-единственному, даже самому передовому, прогрессивному. Решающее значение приобретала социальная форма исторического движения, связанная не только с экономикой, но и с развитием социальных отношений, культуры. «В сущности говоря, — писал Ленин, — кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЭПа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, ... проверки и контроля государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих социалистов» [Ленин 1967: 370].

Таким образом, России предстояло совершить переход к совершенно новому пути общественного развития, непредуказанному социалистами XIX в., включая основоположников марксизма, — к *существованию* совершенно разных экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского авангарда. Если угодно, впервые признавалось, — скорее на практике, чем в теории — что взятые в отдельности ни капитализм, ни социализм не могут быть единственностью мира. В такой многоукладной стране, как Россия, некапиталистическое развитие означало не «введение социализма» под видом его «строительства», а скорее *синхронизацию* разнонаправленного развития в направлении движения к социализму.

На повестку дня помимо воли и желания революционеров вставала такая специфическая форма борьбы, как социальный *компромисс*, в которой момент соглашения и *существования* преобладает над моментом взаимоисключения. Компромисс в тех условиях выступал в качестве единственно действенного средства сохранения исторического содержания,

которое завоевал для страны пролетарский переворот 1917 г. Чтобы выйти из исторического тупика, нужно было научиться, как сформулировал Ленин, «соединять противоположности», отсекал крайние варианты, идти непривычным для революционеров, особенно для большевиков, путём компромисса. Иного в тех условиях было просто не дано.

Эта коренная перемена задач, принципиально новая постановка проблемы социализма в России предлагала, прежде всего отказ от якобински-революционной модели перехода к социализму и далась нелегко. Оказавшись к весне 1921-го перед угрозой массовых возмущений солдатско-крестьянской массы, большевики вынуждены были перевести неуправляемую революцию в хотя бы отчасти направляемую эволюцию, на путь «реформирования сверху». Допускался в «определённой мере» (точнее, наощупь определяемой мере!) капитализм в крестьянской мелкотоварной экономике, в торговле, отчасти в промышленности. Продразвёрстка, угнетавшая крестьянское хозяйство, заменялась фиксированным продналогом (он был переведён вскоре из натуральной формы в денежную). Пришлось разрешить свободную торговлю хлебом. Вместо так и не состоявшегося прямого продуктообмена между городом и деревней связь промышленности с мелкокрестьянским сектором пошла уже через рынок, а в самой промышленности вводилось трестирование с «буржуазным» хозрасчетом. Однако элементы капитализма в экономике вводились при сохранении за Советским государством командных высот в промышленности, оптовой торговле (через СНК, ВСНХ, Госплан) и при укреплении политического господства большевиков.

Тот факт, что признание неизбежности рынка, всероссийского товарооборота носило в значительной степени вынужденный характер, сказался и на понимании Лениным, творцом нэпа, сущности этой политики, обусловив её половинчатость, непоследовательность. Иначе чем объяснить его мнение, будто «правильными» отношениями между промышленностью и земледелием являются бестоварные, вне рыночные отношения, его обещание вернуться впоследствии к террору и т. п. И, тем не менее, вождь Октябрьской революции отстаивает путь компромисса. Констатируя различие интересов крестьянства и городского пролетариата («мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий»), Ленин признает, что эти несовпадающие интересы «в равной степени заслуживают удовлетворения». Вместо призывов к «решительности» (насилию) в ленинском лексиконе выдвигаются на первый план такие понятия, как «компромисс», «уступка», «уступчивость», «постепенство» и «реформизм», «оживление предпринимательства» и т. п. И главное, он призывает «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперёд неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами» [Ленин 1967: 363, 364, 389].

Разорвать этот заколдованный круг Ленин предполагал с помощью развития промышленности и культурной революции.

Ленинский план «подтягивания» России до уровня цивилизованных стран с помощью передовой политической надстройки имел, вне сомнения, резон. Но передовой надстройка в 20-е гг. была лишь потенциально. «Наш аппарат» (аппарат государства — *И.П.*), — признавал Ленин, — «из рук вон плох», он представляет оказавшийся в пролетарских руках «пережиток старого», «буржуазную и царскую мешанину» со всеми её прелестями. К тому же государственная машина сильно бюрократизирована — не случайно Ленин говорил, что борьба с бюрократизмом займёт у нас «целую эпоху», — и слабо контролировалось ЦК партии, где дела тоже обстояли неблестяще. Чтобы выйти из тупика, Ленин предложил создать ЦКК-РКИ из честных и знающих пролетариев и мыслящего элемента. Задача этого органа должна была заключаться в «пересоздании» аппарата. И ещё одно важное наблюдение. Не только с пролетарской культурой, писал Ленин, но и с «буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо»; «речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались

до сих пор»; «нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур до-буржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п.» [Ленин 1967: 363, 364, 389].

Коренное изменение постановки вопроса о социализме осталось не понятой большинством партии, о чем, в частности, свидетельствовало одобрение на X-м съезде РКП(б) — почти без дискуссий! — перехода от продразвёрстки к продналогу, который предполагал далеко идущие изменения в экономической политике пролетарского государства (возрождение частного капитала, денационализация некоторой части предприятий, переход к денежному обращению и к рынку). НЭП, в том случае, когда он не вызывал отчаяния и деморализации, понимался большинством партийцев как временный политический маневр партии, с неизбежностью предполагающий последующее решительное наступление против буржуазии, средней и мелкой. Сталин точно сформулировал это понимание, когда заявил: «Если мы придерживаемся нэпа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его выбросим к черту» [Сталин 1933: 459]. То, что было ядром «военного коммунизма» — концентрация власти в руках большевистской партии, диктатура пролетариата, не считающаяся с законом, вера в воспитательное значение насилия, коммунистический мессианизм и т. п. оставались в неприкосновенности. Они просто-напросто были задвинуты на время на задний план, но продолжали жить в сознании партийных функционеров и части рабочего класса. Нужны были только подходящие условия, чтобы этот комплекс идей и действий дал о себе знать. Случилось то, о чем предупреждал А. Грамши: «Партии возникают и организационно оформляются, писал А. Грамши, с тем, чтобы руководить событиями в исторические моменты, жизненно важные для их классов, *но не всегда умеют приспособиться к новым задачам и к новым эпохам, не всегда могут развиваться в соответствии с изменением общего соотношения сил и следовательно в соответствии с изменением положения их классов в определённой стране и на международной арене*» [Грамши 1959: 176]. (Выделено мной. — *И.П.*).

Предчувствуя опасность болезни «левизны» в РКП(б), Ленин предупреждал в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (1921 г.): «Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка лишь в том случае, — если потеряют трезвость и вздувают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному» [Ленин 1967: 223]. Предупреждения эти не возымели действия, а значит, «внутренний провал» дела Октября становился неизбежным.

Но не только непонимание обусловило провал ленинского замысла «самотермидоризации». Не меньшую, а может быть, большую роль сыграла экономическая и культурная отсталость страны.

Социальная революция такого типа, как Октябрьская, не только разрывает «порочные» исторические круги, но на новом уровне она их создаёт. Ведь движение по «перевёрнутой» схеме: сначала пролетарская власть, затем, на этой основе, создание материальных предпосылок для рывка вперёд — предполагает особую зрелость «субъективного» фактора — не только политическую, но и культурную. Зрелость же в свою очередь предполагает, в качестве условия, иной, более высокий уровень развития производства, т. е. предпосылку, которую ещё предстояло создать в России. Круг этот невозможно (чрезвычайно трудно) превратить в спираль, пока страна находится в изоляции, замкнута на внутренних условиях, вырвана из международного разделения труда и правильных экономических и культурных отношений с другими странами.

Как всякая революция, мировая по проекту, по зачину Октябрьская революция должна была *перемениться изнутри*. Перемена изнутри (термидоризация или «самотермидоризация») представляет собой, по-видимому, закон всех народных революций. В противном случае революция оборачивается якобинским (а в России тоталитарным) террором против собственного народа и платит сотнями тысяч, если не миллионами, человеческих жертв. Конечно, за тоталитарным перерождением Русской революции стояли вековая российская традиция подавления властью гражданского общества, низкая культура трудящихся масс, бюрократический характер российской государственной машины, кризис «социализма XIX в.» бонапартистские амбиции Сталина, неумение новых хозяев хозяйствовать и т. п. Но главное, думается, заключалось в другом. Это — идеология и традиции „военного коммунизма“ (концентрация экономической и политической власти в руках государства, диктаторские методы управления обществом, коммунистический мессианизм). В годы НЭПа эта идеология и традиции были задвинуты на задний план, но не преодолены, не отброшены. Понадобились подходящие условия и совсем немного времени, чтобы этот комплекс идей превратился в идеологию и практику большевистской партии и государства. Таким образом, враг, с которым пролетарской революции пришлось встретиться и который одержал победу над ней, как оказалось, таился не в буржуазии, а в самом рабочем классе, в трудящихся массах, в их политической неразвитости и легковёрности, в господстве идей социальной уравнительности.

Интеллектуальный прорыв Ленина остался только личным достижением выдающегося мыслителя. Развить, расширить его в России, а тем более на Западе, было некому. Победа Сталина с его программой возврата к военно-коммунистическим методам в такой обстановке сначала становится возможной, а затем, после уничтожения ленинских кадров партии и неизбежной.

* * *

Разумеется, выдающиеся люди не являются чудодейственными творцами нового вектора и исторического движения, того, чего общество не могло бы создать без их участия. Но не следует забывать, что в критические переломные моменты развития общества, когда переплетение антитетических условий требует изменение стратегии действий политических сил, выдающиеся личности, талантливые, героические или преступные способны сказать свое слово. Другими словами, не только, а иногда и не столько, талант или свойства характера выдающейся личности определяют их роль в общественном развитии, а прежде всего ход исторических событий выдвигает того или иного человека на передний край общественно-политической жизни, создаёт условия для обретения им властных полномочий и влияния на направление эволюции страны. В этом смысле отнюдь не выдающиеся способности Сталина как теоретика и практика — таковыми он не обладал — сделали его «необходимым» в ситуации своеобразного исторического тупика, в котором очутились большевики в начале 20-х гг. XX в.

В 20-х гг. XX в. впервые встала во весь рост проблема применения теории Маркса к отсталой капиталистической стране (Ленин называл Россию страной «среднеслабого развития капитализма»). Учение Маркса было создано в Западной Европе и объясняло главным образом реалии европейского региона (если не брать во внимание метод исторического материализма). То, что для Маркса и Энгельса было *предпосылкой* социалистической революции — определённый уровень капиталистического производства и производственных отношений, в России должно быть *достигнуто* в ходе длительного, полного противоречий и рассогласований экономического и культурного развития страны на государственных началах. Не случайно, ознакомившись с «русскими сюжетами» в 70–80х гг. XIX в. сам Маркс поспешил ограничить применимость своего учения рамками европейского региона.

Кризис определённой исторической формы капитализма, её российской разновидности и Октябрьская революция 1917 г., как способ выхода из этого кризиса были приняты массами за пролог ликвидации капитализма как такового, за пролог социализма. В таких условиях марксистские истины сплошь и рядом приобретали другой характер, иногда полностью несовпадающий с замыслом основателей пролетарского социализма. Тогда считалось, что вторжение рабочего класса в господствующие отношения собственности (национализация банков, заводов, фабрик, железных дорог и т. п.) и создание современной промышленности, а также упразднение частной собственности на основные средства производства станут началом новой социалистической эры.

Надо, однако, сказать, что коммунистическая доктрина в определённом смысле заслоняла вход в будущее России, поскольку ограничивала набор политических и экономических средств средствами, соподчинёнными *конечной* цели. В этом смысле внутривнутрипартийная полемика 1923–1930 гг., столь трагически закончившаяся, не дала сколь-нибудь значимых результатов для будущего страны. Это по преимуществу была борьба доктрин, а не осмысление характера и масштабов новых проблем, связанных с постреволюционной ситуацией в России. Обсуждали фантом «мировой революции», взаимоотношения между противоборствующими (согласно доктрине) классами — пролетариатом и мелкой буржуазией, проблему диктатуры пролетариата, связь классического пролога (Октябрьского переворота) с «неклассическим» продолжением и т. д. и т. п. Никто не помышлял о перестройке самой сложившейся «системы». Для всех лидеров большевиков движение к *единственному образу жизни* было альфой и омегой социалистического переустройства. То, что эта позиция ставит вне закона иные мотивы и жизненные установки, не исключая и неортодоксальную интерпретацию самого социализма, никого не смущало: вера в идеальную единственность Мира — коммунизм — исключала все сомнения в правильности избранного пути.

В споре о строительстве социализма Сталин тоже не выходил за пределы классических догм марксизма (классовая борьба, диктатура пролетариата, враждебность мелкой буржуазии пролетариату и т. п.). Но от остальных вождей революции его отличало одно: он был *прагматиком*, для которого теоретические постулаты и идейные принципы были главным образом «идеологией» и не определяли его политическую деятельность. Впрочем, была одна философская максима, которой он не просто придерживался, но и руководствовался в своей практической деятельности — это убеждение в неизбежности перехода человечества к социализму. Как историческая необходимость, социализм прокладывает (должен проложить) себе дорогу через все и всяческие препятствия к финалу, даже если «по дороге» ему придётся перешагивать через кровь и могилы. Торжество социализма вполне окупит любые жертвы. Другими словами, «познанная необходимость» обретала в этом мировоззрении страшную силу необратимости, которая стремится продолжить себя, невзирая на все препятствия и жертвы. Если иметь в виду прошлое Сталина, то станет понятным, почему проблема выбора средств никогда не стояла перед ним. К этому следует прибавить имморализм Сталина, переходивший сплошь и рядом в аморализм.

Большую роль в победе над оппозицией сыграл пост Сталина как Генерального секретаря, который позволил ему опереться на аппарат краевых, областных и городских партийных организаций. Очень скоро «провинциалы» становятся его опорой на партийных съездах и конференциях. Сталин говорил для них «понятно», а главное, говорил то, что они хотели услышать от него — призывы к решительной борьбе против «мелкобуржуазных элементов» во имя победы социализма. Всеобщность лидера, порождённая революцией, также импонировала «провинциалам».

И все-таки, не inferнальный характер личности определил успех Сталина и его политики, а тот исторический тупик, в котором очутились большевики после победы революции;

когда по удачному выражению А.И. Колганова, социализм «и построить нельзя, но и не строить тоже нельзя» [Колганов 1991: 359]. В этих условиях выход для Сталина был один: использовать веру трудящихся в социализм для ускоренной модернизации страны. В сознании передовых сил российского общества произошло смещение объективного смысла борьбы за социализм. Последний был отождествлён с индустриализацией страны и пересозданием на государственных началах социально-экономических отношений. Таким образом, иллюзорно-утопическая (в силу отсталости страны) «социалистическая» оболочка планов и намерений большевиков скрывала исторически правомерное содержание — необходимость модернизации страны на индустриальной основе. Однако иллюзорно-социалистический характер идеологии оказался небезразличным по отношению к способу действий правящей большевистской партии. Утопия «строительства социализма в одной стране» в её сознании и в сознании рабочей и крестьянской бедноты выступала как преодоление (завершение) дела Октябрьской революции. Курс на социализм породил исторически невиданный доселе трудовой энтузиазм в определённых слоях общества, в первую очередь в среде рабоче-крестьянской молодёжи.

Никогда ещё в истории России люди не трудились столь самоотверженно, невзирая на нечеловеческие условия жизни, скудное питание и небольшую зарплату. Торопя время, они добровольно, без всяких указаний начальства увеличивали продолжительность рабочего дня, выдвигали повышенные «встречные планы». Ударный труд на стройках был почти правилом. «Время, вперёд!» стало девизом не только молодёжи, но и специалистов, руководивших возведением заводов и фабрик. Идеологема социализма обретает вдруг в умах и душах сотен тысяч людей реальное, действенно-практическое значение. Как когда-то народническая молодёжь, а потом рабочие в 1917 г. эти люди, — конечно же, не все, а авангард, — решают: Я должен, Я обязан стать частицей того «Мы», которое вопреки всем трудностям стремится воплотить идею социализма в жизнь. Никто за нас нового общества не построит, оно не осуществится и само собою, без усилий с нашей стороны.

Экономический интерес перестаёт быть единственным, а тем более определяющим интересом. Меньшинство из этих людей ехал на «стройки социализма» только для того, чтобы подзаработать. Их психотип был совершенно другой: превратить свои убеждения и мечты в практическую деятельность, самим своими руками вопреки всем трудностям построить прекрасное будущее. Этот удивительный настрой «строителей социализма» хорошо передал В. Маяковский в своем стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»:

Свела
 промоглость
 корчею —
 неважный
 мокр
 уют,
 сидят
 впотьмах
 рабочие,
 промокший
 хлеб
 жуют.
 Но шепот
 громче голода —

учреждения, в репрессивные органы, происходит *варваризация* исполнительной власти (в отличие от коррумпированности нашего сегодняшнего государственного аппарата).

И вновь история повторилась. Революция «снизу» превратилась в революцию «сверху». Огромные возможности деспотического государства, соединённые с азиатским игнорированием прав личности, дало возможность Сталину и созданной им власти обеспечить гигантский экономический рывок. Последний, как и при Петре I, Александре II был достигнут колоссальным напряжением сил народа и колоссальными жертвами. Крестьянство как слой самостоятельно думающих и действующих земледельцев было ликвидировано путем всеобщей коллективизации. Сотни тысяч, если не миллионы людей прошли через концентрационные лагеря и т. д. и т. п. По инициативе Сталина и его приспешников был уничтожен весь высший комсостав армии, ликвидирована думающая часть партии, разгромлена передовая часть биологической науки

Индустриализация, независимо от того, кто её осуществляет, предполагает ликвидацию, по крайней мере, значительное уменьшение удельного веса докапиталистических форм в народном хозяйстве. Когда либерал П. Струве говорил о «вываривании мужика в фабричном котле», он имел в виду именно этот процесс разорения мелкого крестьянского производства, совершающийся в ходе капиталистического индустриального развития. Индустриализация, проводимая на государственных началах («социалистическая индустриализация») в этом смысле принципиально не отличалась от капиталистической: и в том, и в другом случае коренное обновление экономики страны ставило под вопрос существование мелкособственнического крестьянского хозяйства, в котором было занято большинство населения.

Ставя перед партией задачу «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством», Ленин исходил из того, что крестьянство можно привлечь на сторону социалистического государства путём добровольного кооперирования. Поставляемая крупной промышленностью сельскохозяйственная техника плюс помощь государства в повышении агрикультуры должны помочь, по его мнению, крестьянину оценить преимущества кооперированного хозяйства. Вспомним в этой связи слова Ленина: когда деревня получит сто тысяч тракторов, мужик выскажется за «Коммунию». Как бы мы сегодня не оценивали кооперативный план Ленина (а у него было немало уязвимых мест), в одном он выгодно отличался от сталинской коллективизации: не государство, а *сам* крестьянин должен решать, как ему хозяйствовать.

Ленинский план «кооперативного социализма» получил сокрушительный удар с той стороны, с которой он менее всего мог ожидать подвоха. Нэп продемонстрировал, что в условиях рынка государственная промышленность оказалась не в состоянии удовлетворить потребности развития крестьянского производства и непосредственные нужды сельского населения. Издержки государственной монополии — более низкая эффективность предприятий, бюрократизация руководства, стремление монопольно высокими ценами компенсировать элементарные промахи хозяйствования и т. д. не позволили существовавшей тогда промышленности стать системообразующим фактором общественного производства. С точки зрения экономики, только создание целого «веера» производств с разными типами собственности, управления, разными по размеру, по формам участия в контроле за условиями своего труда и т. п. при взаимодействии всех этих производств с государственными предприятиями способно было обновить народное хозяйство и двинуть его вперёд.

Но политическая линия руководства партии в конце 20-х гг. была уже иной, антиленинской. Она ориентировалась на ускоренную индустриализацию, которую должна была субсидировать российская деревня. Хлебные затруднения 1928 г. окончательно укрепили Сталина в мысли, что с рыночным характером снабжения городов хлебом надо кончать. Крестьянство, протестовавшее против «ножниц цен» с помощью уменьшения поставок хлеба на ры-

нок, было объявлено Сталиным «последним капиталистическим классом», который стоял на пути индустриализации и социализму. Становилось ясным, что участь крестьянства предрешена. «Правая», в определённом смысле «прокрестьянская» оппозиция (Н. Бухарин, М. Томский, А. Рыков), была обвинена в потакании интересам мелкой буржуазии. Её представители были выведены из Политбюро ЦК ВКП(б) и сняты со всех государственных постов, а затем расстреляны.

«Великий перелом» — так назвал Сталин курс на принудительную коллективизацию деревни — стал трагическим переломом в судьбах многих миллионов крестьян. Новые формы экономических отношений в деревне стали утверждаться преимущественно неэкономическими, насильственными методами. Соотношение государственного принуждения и стихийных, «естественных» процессов резко изменилось в сторону государственного принуждения. Вторжение государства в экономический процесс присвоения вылилось в чудовищный произвол и насилие по отношению к миллионам мелких производителей. Каждой области, краю спускался план по вовлечению крестьян в колхозы, и этот план неукоснительно выполнялся под страхом суровых репрессий «сверху». Обобществляли все: сельскохозяйственные орудия, крупный скот, овец и даже кур. (после письма Сталина «Головокружение от успехов» кур и часть овец и коров отдали хозяевам). «Кулацкое» имущество частично присваивала себе сельская беднота, не привыкшая к тяжкому крестьянскому труду. Из её же рядов рекрутировалось руководство колхозов.

Следует ещё раз подчеркнуть, что насильственная коллективизация проводилась большевиками отнюдь не из доктринальных соображений — приобщить крестьян к социалистическим, коллективистским отношениям. Её цель была другая — обеспечение государства товарным хлебом для продажи за границей. Валюта, вырученная от продажи, шла на покупку заводов, фабрик, привлечение иностранных инженеров. (СССР в этом смысле повезло: в условиях мирового экономического кризиса цены упали и на технику, и на квалифицированную рабочую силу).

Первой заповедью колхозов была сдача хлеба государству. То, что оставалось после этого, шло в семенной фонд и на трудодни колхозникам. В неурожайные годы трудодни не обеспечивали даже продовольственной нормы (известный всем «голодомор», охвативший Украину, Поволжье и часть Казахстана). Крестьяне пытались уехать в город на заработки, но отсутствие паспортов и заградительные отряды на дорогах стали непреодолимым препятствием на их пути.

Спасением от голода стали приусадебные участки (там, где они не были запрещены). Вскоре продукция с приусадебных участков (мясо, овощи), заполонила городские рынки, помогая горожанам преодолевать тяготы карточной системы.

За границу, правда, продавалось не только зерно, но и лес, и произведения искусства, и драгоценности. Причём, если хлеб и лес торговались по «ценам», существовавшим на мировом рынке, то произведения искусства и драгоценности шли задешево, порой по бросовым ценам. Сказывалось незнание рынка этих изделий и критическое отношение большевиков к «безделушкам», доставшимся им от буржуазии.

Насильственная коллективизация деревни завершает формирование государственной монополии на все средства производства и сообщения. (Колхозная собственность формально отличалась от государственной, но это отличие скорее ухудшало, чем улучшало положение крестьян). Строительство социализма «с другого конца», по-видимому, увенчалось успехом. Это признавали, по крайней мере, официально, делегаты XVII съезда ВКП(б), а затем XVIII съезд партии, который декларировал построение в СССР «основ социализма». Признавалось, что страна под руководством Сталина проделала за короткий срок в десяток лет ту эволюцию, которая ещё недавно представлялась делом многих десятилетий.

На деле всё обстояло гораздо сложнее, чем представлялось партийным лидерам и правящей бюрократии. Огромные возможности деспотического и бюрократического государства, соединённые с азиатским игнорированием прав личности дали в руки сталинского режима неслыханную силу созидать и разрушать. Недаром за годы пятилеток была кардинально обновлена материально-техническая база народного хозяйства, построены сотни современных (по тогдашним меркам) заводов и фабрик, создана экономическая инфраструктура. Сталин был самым сильным выразителем наступившей новой эпохи в развитии России. Правда, историческую задачу этой эпохи составлял уже не социализм, а *держава*. Интересы государства были поставлены выше интересов людей, средства — выше социалистических идей, а достижение результата оправдывало применение любых средств. В условиях страны с преобладанием полупатриархальных нравов у массы населения, со слабой демократической традицией (что бы ни утверждал Ленин), большевистская власть сумела серьёзно минимизировать политический и интеллектуальный потенциал общества, расшатать устои народной нравственности.

К 1939 г. СССР достиг выдающихся результатов и по ряду отраслей (выпуск чугуна, стали, добыча нефти и т. д.) сравнялся с передовыми европейскими странами. Развивались машиностроение, химическая промышленность. Была создана, хотя и в основном в городах, социально-экономическая инфраструктура. В СССР было введено бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, осуществлено право на труд и на отдых. Часть населения — разумеется, небольшая — получила от государства квартиры. В 1937 г. принимается Конституция, которая закрепляла эти права и декларировала все современные свободы. Правда, в прологе этих достижений — уход в небытие целого пласта людей, репрессии против собственного народа, и сверх того иллюзия, что в СССР впервые в мире построено социалистическое общество.

Какое же общество возникло в результате этого экономического и социального скачка? Ответить на этот вопрос не так-то просто, как представлялось руководству Коммунистической партии. Безусловно, Октябрьская революция 1917 г., даже не будучи социалистической по своему характеру, расчистила путь, подготовила почву для некапиталистического развития страны. Последовавшая в 30-х гг. XX в. ускоренная индустриализация создала в крупных городах многочисленный социалистически мотивированный рабочий класс. Крестьянство, пусть и не по собственной воле, превратилось в колхозное. В СССР были введены бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, провозглашено право на труд и отдых. В городах началось жилищное строительство, открылись детские сады и ясли. Мы говорим: «началось», потому что основная часть «строителей социализма» ютилась в бараках и домах, без всяких современных удобств. Жилищный вопрос был решён в СССР, пусть только отчасти, в хрущевские времена.

Наиболее бесправной оказалась деревня. Незрелость всех личных и объективных факторов общественного труда, политическое ничтожество колхозников (крестьянам не давали даже паспортов, необходимых для передвижения по стране), неспособность защитить себя от произвола начальства — всё это сделало труд колхозника фактически принудительным. Бюрократическая правительственная надстройка по отношению к непосредственному крестьянскому труду в итоге стала противостоять не как регулирование, а как *отношение господства*. В итоге трудовая мораль, присущая крестьянину, разрушается. Тракторист мог ссыпать минеральные удобрения не на поле, а где-нибудь в ложбине («все равно не свое»), а собранное зерно на открытом току лежало неделями под дождём («пусть у начальства голова болит»). Чтобы отчитаться перед начальством сплошь и рядом сеяли раньше, чем необходимо, а собирали урожай так, что часть его уходила под снег.

Однако не только с моральной и политической точки зрения сталинская коллективизация оказалась шагом назад. Она не сработала и как эффективная *экономическая* мера. На протяжении всех последующих десятилетий страна не могла полностью обеспечить себя сельскохозяйственной продукцией. В ряде крупных городов ещё в 1940 г. выстраивались с ночи очереди за хлебом, существовали перебои с маслом, мясом, колбасными изделиями и т. п. Отечественная война 1941–1945 г. ещё более подкосила сельское хозяйство страны. Отныне вопрос о снабжении хлебом не сходит с повестки дня Политбюро ЦК КПСС. Страна, вывозившая хлеб на внешние рынки, оказалась вынужденной его покупать за границей.

И все-таки основной удар репрессий пришёлся на образованные слои населения — инженеров, творческую интеллигенцию, партийных оппозиционеров, священнослужителей, старых специалистов, людей с дореволюционным прошлым и т. п. И это в стране, в которой интеллектуальный потенциал после революции и гражданской войны итак существенно уменьшился за счёт эмиграции культурной элиты. Интеллигенцию некому было защищать — сказывалось вековое недоверие простого народа к «образованным». К тому же заполонившие новую власть плебейские элементы возмещали свою культурную неполноценность недоверием к «интеллигентам», заранее подозревая в них скрытых врагов социализма. Система доносов и «сигналов», ставшая привычной в 38-е гг., довершала дело культурного обезлюживания страны. Что касается новой, «народной» интеллигенции, то ей ещё предстояло сформироваться, приобрести опыт, чтобы заместить старую.

Конечно, рабочие в промышленных центрах (шахтёры, металлурги, машиностроители и т. п.) жили лучше, чем крестьяне. Но и в отношении них социалистическая доктрина тоже не срабатывала: они и их организации оказались отстранёнными от управления производством. После критики идеи «рабочей демократии» на производстве право распоряжения целиком перепадает в руки дирекции. Профсоюзы, названные когда-то Лениным «школой коммунизма», не только не стали таковой, но, наоборот, утратили и собственно профсоюзные функции воздействия на администрацию. Все, что они делали, относилось к распределению путевок в дома отдыха и санатории и выделению — через администрацию — жилья.

Конечно, бюрократия при всем своем стремлении к самостоятельности по отношению к обществу всегда является орудием определённой социальной силы. В России это был, разумеется, рабочий класс. Но политическое влияние рабочего класса, падает. Как верно отмечает Калганов «происходил рост бюрократической машины, тем более весомой, чем менее она была эффективна» [Там же: 357]. Не только производство, все области общественной, политической и культурной жизни были бюрократизированы, находясь в полнейшей зависимости от государства — структуры, стоящей *над* обществом. Якобы социалистическое государство, а на деле бюрократическое, оказалось всем, общество же ничем. Массовые репрессии 1937 г. убедили в этом всех сомневавшихся.

Что касается демократии Советов — от II съезда Советов большевики получили мандат на правительственную власть, — то они шаг за шагом теряют свое значение как важной политической силы. В гражданской войне и в период индустриализации никто не вспоминает об иллюзии Ленина, будто Советы являются государством «типа Коммуны». Собственно говоря, Советы, в той форме, в которой они возникли в ходе Русской революции, были «на своем месте», когда речь шла о втягивании в сферу политической революционной борьбы рабочих, солдат, часть крестьянства. Лозунг «Вся власть Советам» завоевал в свое время симпатии значительной части трудящихся, освобождал их сознание от буржуазных пут, указывал цели борьбы. С победой революции, с осуществлением назревших исторических задач, они теряют свое освободительное значение. Государственная власть сосредотачивается целиком у правящей партии — большевиков, которые, особенно с окончанием нэпа, всё менее надеются на убеждение и всё более на властные функции государства. Власть Советов, переименован-

ная в Советскую власть, дабы ни у кого не было сомнений, *кто* определяет государственную политику в стране, становится фикцией. Советы окончательно лишаются государственных функций и превращаются в форму, напроочь лишённую своего первоначального содержания.

Вместе с «властью Советов» уходит в прошлое и проблема демократии, рабочей, буржуазной. Предполагается, что партия (партия=государство), действующая от имени рабочего класса, вооружённая самой передовой идеологией того времени — марксизмом-ленинизмом, единственно способна выражать истинные интересы народа, даже те, которые он ещё не осознал. В результате централизованное государство, действующее от имени народа и якобы в его интересах, становится единственной аутентичной онтологически и первичной морально-рамкой соотношения интересов индивида с обществом. Защита прав индивида от государства в ситуации конфликта их интересов заранее объявлялась большевиками псевдопроблемой — конфликт фикции с реальностью невозможен. Мучительная всякий раз проблема этического выбора — государство или человек — априорно решалась в пользу государства, которое выражаясь словами Дж.Ст. Милля, знает, что нужно человеку, лучше любого индивида.

Подобная идеология распахивала дверь перед тоталитаризмом. Всё индивидуальное, человеческое, личностное могло быть терпимо лишь в том случае, если оно непосредственно направлялось на общее благо. Лишь с конца 50-х гг., после смерти Сталина — отчасти под влиянием Великой отечественной войны, отчасти под воздействием начавшейся новой дифференциации общества, расширения влияния образованных слоёв, прежде всего научно-технической и гуманитарной интеллигенции, стал постепенно разрушаться этот морально-политический комплекс в сознании народа. В этом смысле судьба тоталитаризма была предпрешена.

Следует помнить: средства преобразования общества безразличны к результату, более того, они часто входят в конечный итог. Частная собственность в нашей стране была *не преодолена*, как это предполагала марксистская теория, а *уничтожена* политическими средствами. В этом смысле советский «социализм» (=государственная собственность на средства производства) по способу своего происхождения является скорее составной частью ускоренной индустриализации страны, чем естественным продуктом социально-экономической эволюции российского общества. Его задачей было мобилизовать все ресурсы, материальные и духовные, для ускоренной модернизации страны. Соответственно концентрирующиеся в деятельности государства *волевые* акты, от грубого произвола и упорядоченных мер до прямого вторжения политических институтов в непосредственный процесс экономического присвоения стали важным, если не главным фактором формирования «социалистической» системы хозяйства.

Трагический удел страны догоняющего развития: покушаясь на «чужое», на создание самого передового по тогдашним меркам общества — социализма, наша страна вынуждена была принести в жертву «свое» — исторически выросшую на российской почве культуру, православную религию, моральные ценности народа, наконец, память о прошлом, без которой нет исторической традиции. Речь уже не идёт о сотнях тысяч, (если не миллионах), людей, расстрелянных, замученных в застенках НКВД (а затем МГБ), о выселенных в Сибирь, на Север, о миллионах, прошедших через концлагеря ГУЛАГа. «Цена» прогресса приобрела в этих условиях ранг смысла.

В определённом отношении Сталин продолжил специфически российский способ модернизации страны, впервые опробованный ещё Петром I, когда власть, ломая прежний уклад жизни населения, *насаждает* новые передовые формы отношений в обществе и экономике. Интересы развития страны при этом вырываются из сферы самодеятельности общества, по крайней мере большей его части, и противопоставляются ему в качестве предметов

деятельности государства. Последнее (или господствующая партия) ведёт народ, ещё не готовый к самостоятельному выбору, по пути «прогресса».

Не забудем, однако, что за таким пониманием «прогресса» стояло целое поколение людей периода революции и сталинских пятилеток, веривших вождю и никогда особенно не ломавших голову над социальными вопросами. Для них общий интерес мог быть представлен только партией и государством, и никогда — самодеятельностью общества. Политическое ничтожество всех слоёв народа их не смущало — они смирились с обособлением государственной власти от общества, с превращением её в повелителя страны. Социализм как принципиально новый общественный строй, соответствующий современному мировому развитию, не вызрел ни в их жизни, ни в их душах.

Индустриализация страны в основных своих чертах была завершена к 1941 г. Но вопрос о том, чтобы догнать Запад в экономическом отношении не снимается с повестки дня. Развитие капиталистического Запада на новой экономической основе, постнацистский ренессанс буржуазной демократии, распад колониальных империй, научно-техническая революция — это и многое другое обновили капиталистическую экономику, дали ей стимул для развития.

В этих условиях КПСС предстояло сделать нечто чрезвычайно трудное — трансформировать созданную власть и государственную собственность таким образом, чтобы она смогла бы соответствовать тенденциям *мирового* развития экономики. Но именно этого социализм советского образца оказался сделать не в состоянии. Сказался способ, каким было достигнуто утверждение государственной собственности. Он содержал в себе и возможность задержки обновления производства, и превращения плана в механическое навязывание народному хозяйству страны устарелых отношений и пропорций. Эффективным он стал только после второй мировой войны и то в единственной сфере — оборонной.

Расширение экономического, общественного кругозора невозможно без критического переосмысления своих первоначальных посылок. Но сложившаяся идеология, равно как и политический строй требовали верности принципам марксизма-ленинизма. Эта попытка удержать вчерашнее — в экономике, политике и общественной жизни — перед лицом необходимости перемен, диктуемых мировым развитием могла привести только к замедлению развития страны. Система, упорядоченная для своего благополучного существования, не нуждалась в изменениях в мире событий и действий, ведь они могли угрожать «социалистическому» развитию. Ей нужны были люди, которые были бы верны доктрине и существующей практике. Воспроизвести старую цель — социализм — на новой основе и в обновлённой форме им и в голову не приходило. Боязнь *исторического обновления*, которое способно привести к непросчитываемому результату, пугала их больше, чем омертвление достигнутого и кризис системы.

Мы сознательно не говорили здесь о гонке вооружений, которая была навязана Советскому Союзу США и ускорила крах социализма советского образца. Не говорим, чтобы не заслонить этим феноменом главное — кризис системы социализма советского образца, системы, которая оказалась не в состоянии вступить в конфликт с самой собой и выработать решение, выводящее её из кризиса.

Если индустриализация в Западной Европе была естественноисторическим продуктом саморазвития капитализма, то в России, СССР она накладывалась на массив мелкотоварных и даже патриархальных форм экономического быта. Крупное производство на государственных началах (=национализация) становилось в этих условиях единственным средством модернизации страны. Назвать новые формы отношений социалистическими довольно трудно — они утверждались преимущественно неэкономическими насильственными мерами и

сопровождались экспроприацией господствующего в сельском хозяйстве мелкого крестьянского производства.

Опыт СССР доказал, что специальные интересы рабочего класса в таких странах как Россия не могут являться *общими* условиями освобождения, последние по своему характеру неизмеримо шире и разнообразнее, чем борьба за разрешение конфликта между трудом и капиталом, составляющее главное противоречие капитализма. Дело даже не в том, что партийная и советская бюрократия заправляла в стране всем. Главное, что рабочий класс, как и остальные слои населения, оказались в «социалистическом государстве» лишёнными *политической субъектности*, которая полностью перешла к правящей партии и государству. Все, что мог сделать «простой человек» в качестве *homo politicus* — это проголосовать на безальтернативных выборах за «блок коммунистов и беспартийных».

В этой связи важно подчеркнуть, что избранный СССР некапиталистический путь отнюдь не являлся социалистическим в собственном смысле слова. Естественный ареал некапиталистического пути — «догоняющая» модернизация, создание условий, экономических, политических, культурных для превращения страны в современное цивилизованное государство. Далее — либо движение в неизведанное, либо понятное движение к частнособственному капитализму.

Сегодня ясно, что, КПСС поспешила объявить общество, сформировавшееся на основе государственной собственности и монополии одной партии на власть, социалистическим, хотя в той идейно-политической перспективе, в которой новое общество мыслили советские марксисты, такого рода взгляд на социализм понятен. Победа новой, для данной эпохи общественной формы (особенно такой, которая возникла в СССР), не устраняла прежних исторических противоречий, которые можно изжить только в ходе длительного общественного развития. Недаром Маркс некогда написал: «Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вёл через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира» [Маркс, Энгельс 1956]. Но именно людей, «созревших для нового мира» трагически не хватало в новой России. Оказалось, что создания «объективных предпосылок» для социалистического переустройства общества мало. Не меньшую, а может быть и большую роль в направлении развития общества к социализму играет *личность*, условия для развития личности, демократизм, пронизывающий все сферы публичной и частной жизни, а также *действенное равноправие*, охраняемое обществом и т. д. и т. п. [Гефтер 1996: 311]

В заключение поставим вопрос, на который автор затрудняется пока ответить: чем отличается «социализм» советского типа от того, что Энгельс называл государственным капитализмом. Чем больше производительных сил возьмёт государство в свою собственность, считал Энгельс, «тем более будет его превращение в совокупного капиталиста и тем больше граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наёмными рабочими, пролетариями, капиталистические отношения не уничтожаются, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» [Гефтер 1996: 311]. Разумеется, Энгельс, формулируя положение о государственном капитализме, не мог знать о возможностях государства XX в., о том, что новые формы производственных отношений можно утверждать преимущественно неэкономическими, насильственными мерами. Тем более он не мог себе представить, что государственная собственность с характерным для неё преобладанием неэкономических рычагов присвоения над стихийно-рыночными способна при определённых условиях ликвидировать рынок и частную собственность как таковые. Для него было важно подчеркнуть другое: государственная собственность на средства производства *не равняется* социалистическому обобществлению производства: конкуренция рабочих на рынке труда продолжается, а государство-собственник эксплуатирует своих граждан. И тем не менее, не будучи социализмом, государственная

собственность, по Энгельсу, является шагом вперёд по сравнению с частной собственностью. Сегодня мы бы уточнили: далеко не всегда госкапитализм в европейских странах в первую мировую войну был каторгой для рабочих.

Но если всеобщее огосударствление производства (даже если взять вариант Ан. Лабриолы, считавшим социализм «демократическим обобществлением производства») не является избавлением от капиталистических отношений, пусть в форме государственного социализма, то возникает вопрос, какова же тогда следующая фаза поступательного развития общества по пути прогресса? Думается, что социальные контуры её обрисовываются, хотя и очень смутно. В идее она связана не с экономической эксплуатацией человека человеком — борьба против такой эксплуатации, конечно, остаётся, — а с уничтожением отношений «господство-подчинение» между людьми вообще [Щедровицкий 2003: 277]. Характер и объём этой задачи сегодня определить невозможно, но сама задача, думается, уже поставлена современным общественным развитием.

Во всяком случае, ход общественного развития всё настоятельнее требует перемен, затрагивающих коренные начала всей прежней жизнедеятельности. Будут ли эти перемены, — и в какой мере, совпадать с тем, что в XIX–XX вв. называли и ещё сегодня называют социализмом, сказать трудно — однозначная социальная характеристика будущего вряд ли оправдана. Движение вперёд, как правило, принимает форму неожиданного, непредуказанного, но в них-то история и реализует ту или иную из объективных возможностей, которая способна при определённых условиях стать необходимостью.

Гефтер М.А. 1969. *Историческая наука и некоторые проблемы современности*. — М.: Наука.

Гефтер М.Я. 1991. *Из тех и этих лет / Ред. и сост. Е.И. Высочина. Фонд им. Н.И. Бухарина*. — М.: Прогресс.

Грамши А. 1959. *Собр. соч. в трех томах*. — М.: Изд-во иностранной литературы.

Калганов А.И. 1991. *Социализм*. — 21.

Лебедев А.А. 1981. Проблема политических компромиссов. — *Ленин как политический мыслитель*. М.: Изд-во политической литературы.

Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* — М.: Изд-во политической литературы.

Маркс К., Энгельс Ф. 1956. *Сочинения*. — М.: Государственное издательство политической литературы.

Сталин И.В. 1933. *Вопросы ленинизма*. — М.

Суханов Н.Н. 1991. *Записки о революции*. — М.: Политиздат.

Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности*. — М.: Путь.